Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 22–32.
Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 22–32.

Научная статья
УДК 327(571.53:51)
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/22-32

Регионы Байкальской Сибири и провинции Северо-Восточного Китая: внутренняя специфика субнационального взаимодействия

Илья Васильевич Олейников
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, ilyavasilich@yandex.ru

Аннотация. Цель статьи заключается в выявлении и оценке внутренней специфики (федеральной, региональной и корпоративной) субнационального взаимодействия регионов Байкальской Сибири с провинциями Северо-Восточного Китая в первой четверти XXI в. В работе использованы подходы теории международных отношений (неореализм, неолиберализм, неомарксизм) и теории регионализма. Установлено, что федеральные проекты нацелены на интенсивное освоение природных ресурсов. Корпорации включают инициативы в государственные программы развития для получения устойчивого финансирования из центра и активизации проектов, в том числе с привлечением возможностей и ресурсов инвесторов из КНР. Региональные власти продвигают ситуативную тактику сотрудничества с китайскими партнерами, носящую имитационный характер. Определено, что провинции Северо-Востока КНР относятся к экономической периферии и не могут рассматриваться как перспективные инвесторы для регионов Байкальской Сибири. На инициативы развития влияют международная и внутриполитическая ситуация, а также отсутствие консенсуса элит.
Ключевые слова: *регион, Байкальская Сибирь, КНР, федерация, иностранные инвестиции, субнациональное взаимодействие*
Для цитирования: Олейников И. В. Регионы Байкальской Сибири и провинции Северо-Восточного Китая: внутренняя специфика субнационального взаимодействия // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 22–32. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/22-32

Original article
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/22-32

The Regions of Baikal Siberia and the Provinces of Northeast China: The Internal Specifics of Subnational Interaction

Ilya V. Oleinikov
Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, ilyavasilich@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article is to identify and assess the internal specifics (federal, regional, and corporate) of subnational interactions between the regions of Baikal Siberia and the provinces of Northeast China in the first quarter of the 21st century. The study draws on approaches from international relations theory (neorealism, neoliberalism, neo-Marxism) and regionalism. It is established that federal projects are aimed at intensive development of natural resources. Corporations include initiatives into state development programs to secure sustainable funding from the center and to activate projects, including by leveraging the capabilities and resources of Chinese investors. Regional authorities promote ad hoc, imitative tactics of cooperation with Chinese partners. It is determined that the provinces constitute an economic periphery and are not promising investors for the regions of Baikal Siberia. Development initiatives are influenced by the international and domestic political situation and the lack of elite consensus.
Keywords: *region, Baikal Siberia, China, federation, foreign investment, subnational cooperation*
For citation: Oleinikov I. V. The Regions of Baikal Siberia and the Provinces of Northeast China: The Internal Specifics of Subnational Interaction // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 22–32.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/22-32

Введение

После провозглашения "поворота на Восток" в 2012 г. российское правительство декларировало активизацию взаимодействия со странами АТР **[12]**. В связи с началом украинского кризиса и ухудшением связей со странами Запада российский "поворот на Восток" стал неизбежной реальностью – необходимость политического блокирования с восточными партнерами вызывала запрос на реальное экономическое сотрудничество. Курс на сближение с КНР был был объявлен стратегическим; началась реализация новых крупных проектов – строительству газопровода "Сила Сибири", модернизации БАМа.

В эти процессы были вовлечены и регионы Байкальской Сибири, под которыми мы рассматриваем Иркутскую область и Республику Бурятия, выстраивавшие связи с провинциями Северо-Востока Китая (СВК).

Вопросы субнационального сотрудничества регионов российского Дальнего Востока (РДВ) и СВК анализировались отечественными исследователями **[16; 17; 31]**. С. А. Иванов рассматривая специфику сотрудничества между Приморским краем и провинциями СВК **[10]**, и пришёл к выводу о "воображаемом сотрудничестве" **[9]**. Отражена специфика китайских инвестиций на РДВ **[8]**. Из исследований последних лет следует выделить коллективную мо-

© Олейников И. В., 2026.

нографию "Потенциальный Дальний Восток: как расцветают и угасают проекты развития в самом большом регионе России" **[28]**.

Среди исследователей из зарубежных центров вопросы международного взаимодействия регионов Востока России с КНР рассматривают А. Н. Королёв **[36]**, Дяо Сюхуа **[35]**, Пан Синмин **[37]**.

М. В. Александрова рассматривала особенности экспорта из регионов Сибири в КНР **[1; 3, с. 29–33]**. Показана специфика взаимодействия регионов Сибири и РДВ с внешними акторами Восточной Азии **[27]**. О развитии "Большой Сибири" в контексте российского "поворота на Восток" пишут К. В. Бабаев и С. Г. Лузянин **[4, с. 29–32; 19]**. Освещены проблемы китайского туризма в Иркутске **[25]**, показаны тенденции взаимодействия провинции Ляонин с Иркутской областью **[20]**, рассмотрено внешнеторговое сотрудничество сибирских регионов и КНР **[33]**.

Таким образом, сюжеты международного взаимодействия сибирских регионов России с провинциями СВК освещены фрагментарно. Цель статьи заключается в выявлении и оценке внутренней специфики (федеральной, региональной и корпоративной) субнационального взаимодействия регионов Байкальской Сибири и СВК в первой четверти XXI в.

Открытый и закрытый регионализм в субнациональных стратегиях регионов Байкальской Сибири

Закрытый регионализм являлся одним из параметров международной системы времён "холодной войны". Открытый регионализм, его сменивший, основан на консенсусе акторов экономического взаимодействия, являющихся активными участниками отношений с регионами других стран и территорий. В условиях закрытого регионализма важны национальные интересы, взимание налогов и курс на протекционизм. Закрытый регионализм был параметром "старого" регионализма, а открытый регионализм – "нового" **[14, с. 308]**.

В начале 1990-х гг. российские регионы получили шанс на установление международных контактов. После укрепления "вертикали власти" в начале 2000-х гг. инициативы российского правительства постепенно вписывались в логику закрытого регионализма – приоритет стал отдаваться защите национальных интересов, формулируемых центром, в то время как внешнеэкономические намерения регионов становились вторичными. Реализация проектов монополий в виде госкорпораций или частных компаний была в приоритете и связана с госфинансированием.

Сибирь негармонична. Её территории – субъекты Российской Федерации – разновекторны, их социально-экономическая и культурная ориентация определяется историческими факторами и геополитическими условиями. После начала СВО на Украине в феврале 2022 г. основные контакты регионов Сибири связаны с регионами КНР, КНДР, Монголии и, в меньшей степени, Республики Корея. Существует дискуссия о том, что Россия обладает уникальными возможностями, связанными с её расположением между Западом и Востоком **[12]**.

Структурная трансформация мировой системы, её переход в режим "частичной глобализации" формирует вызовы для российских регионов, связанные с возвращением протекционизма.

После складывания новых условий для российской экономики после событий 2014 г. и 2022 г. начались структурные реформы и переход от одной формы экономического развития к другой. Эти особенности создают шансы и риски для регионов Сибири и Дальнего Востока. Сибирские регионы важны благодаря своему ресурсному потенциалу. Россия, развивавшаяся с оглядкой на Запад, зачастую не уделяла должного внимания логике азиатского развития и формированию комплексной взаимозависимости в регионе **[13]**. Российские власти и бизнес концентрировались на поставках сырья и продукции первого передела.

Наблюдается противоречие: взаимодействие России с частью стран Восточной Азии (прежде всего Японией и Республикой Корея), встроенных в экономические форматы и структуры безопасности США, можно анализировать при помощи теории неореализма: формируется конфронтационное поле, и контакты в его рамках возвращаются к режимам закрытого регионализма. Сотрудничество РФ с КНР, Монголией и КНДР развивается в русле "частич-

ной глобализации", формируются тенденции взаимозависимости по неолиберальному типу – действуют параметры открытого регионализма, благодаря которому происходит обмен товарами и услугами, в том числе и со странами, входящими в орбиту влияния США.

Регионы Байкальской Сибири: земля ресурсов или земля возможностей?

В отечественной литературе часто цитируется фраза известного русского мыслителя XVIII в. М. В. Ломоносова: "...путь и надежда чужим пресечется, российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном…" **[18, с. 498]**. В первой четверти XXI столетия правдивость фразы подтверждается: территория и ресурсы Сибири продолжают быть фактором экономического и социального прогресса России. Однако природные ресурсы не являются позитивным фактором для регионов Байкальской Сибири. Статус Сибири не изменился с ломоносовских времен – это периферия европейской части России, в то время как российские столицы – Москва и Санкт-Петербург – несмотря на санкционные ограничения, являются воротами в глобальный мир. Согласно неомарксистской теории "ядро–периферия" И. Валлерстайна, ресурсы концентрируются в центрах, и эти ресурсы, получаемые из периферии, способствуют качественным изменениям в центрах **[39]**. Периферия обречена либо на попытки выбраться из колеи, либо на стагнацию.

С. Ф. Шмидт выявил особенности положения Сибири в мировой системе. Сибирские регионы рассматриваются с двух точек зрения. Они – периферия полупериферийного государства – России, а с другой – расположены между двумя активными центрами современной экономической системы: традиционным центром, представленным США и странами Европы, и новым центром, расположенным в странах АТР – Японии, КНР и странах ЮВА **[34, с. 14]**.

Сибирские регионы – "двойная периферия", что определяет зависимость их экономики от экспорта сырьевых ресурсов на глобальные рынки и то, что они являются рынком сбыта товаров из территорий более развитых стран. Но являются ли провинции СВК более развитыми, чем регионы Байкальской Сибири России по производственным характеристикам? Может ли международное сотрудничество способствовать модернизации сибирских регионов России? Или же дискуссии о необходимости их взаимодействия с провинциями СВК КНР конструируют образ, необходимый для успешного позиционирования региональных властей и бизнеса в столице России – Москве?

Внутренняя специфика субнационального сотрудничества регионов Байкальской Сибири с провинциями Северо-Восточного Китая

На протяжении 1990-х гг., в условиях хаотичных изменений в административной и правовой сферах, российские регионы сталкивались с вызовами. Во время стагнации торговых и экономических связей после коллапса СССР они стали активно вовлекаться в процессы международного сотрудничества. Власти регионов Сибири и Дальнего Востока в условиях ослабления центральной власти и отсутствия у нее финансовых рычагов влияния рассматривали контакты с зарубежными территориями как возможность для преодоления кризиса. Региональные власти предпринимали попытки создать специальные экономические зоны, благодаря которым должен был усилиться приток внешних инвестиций. Эта деятельность вдохновлялась позитивными ожиданиями от возможностей получения выгод от иностранного коммерческого сектора благодаря богатому ресурсному потенциалу **[28, с. 226–227]**.

Экономические дивиденды, получаемые от внешнеэкономической деятельности, были средством для решения проблем в условиях системного кризиса государства. Из Иркутской области в КНР осуществлялись поставки целлюлозы, леса, продукции нефтепереработки, алюминия, машин и оборудования. Импортировались кокс нефтяной, пек, продукты питания, ТНП, электрооборудование и горное оборудование **[3, с. 29–30]**. Из Республики Бурятия в Китай долгое время поставлялись "…сырьевые товары и материалы, в том числе: круглый лес, пиломатериалы, картон, чёрные и цветные металлы (в основном лом и рельсы, бывшие в употреблении). Кроме этого, в КНР периодически поставляются гражданские вертолёты и запасные части к ним" **[3, с. 32]**.

Иркутская область участвовала в неоднозначной по своим результатам "Программе сотрудничества регионов Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009–2013 гг." **[29; 26]**. Руководство Иркутской области питало надежды на получение инвестиций из Китая; видя в этом ресурс для пополнения бюджета, оно пыталось поддержать проекты, направленные на развитие контактов с провинциями СВК, сводившихся в основном к административному и гуманитарному взаимодействию. Были установлены побратимские связи между Иркутском и Шэньяном (1992 г.), Иркутском и Маньчжурией (2025 г.), муниципалитетами Иркутской области и городами провинций СВК (Ангарск – Цзиньчжоу).

В связи с укреплением "вертикали власти" происходило усиление государственных и частных корпораций, реализовывавших интересы федерального центра во внешнеэкономической деятельности. Экономический базис для субнационального взаимодействия у региональных властей истончался: ключевые проекты развития сырьевых месторождений, строительство инфраструктуры для экспорта сырья и продукции первого передела стали реализовывать финансово-промышленные группы и корпоративные структуры – "Газпром", "Роснефть", En+ Group, стремившиеся вытеснить региональных конкурентов.

Частные корпорации пытались взаимодействовать с провинциями СВК. Так, в 2011 г. О. Дерипаска предложил проект "Восточная стратегия" En+ Group, направленный на развитие контактов между регионами Байкальской Сибири и КНР.

"Восточная стратегия" предполагала создание высоковольтных линий для поставки избыточной электроэнергии, производимой на ГЭС и ТЭЦ En+ Group в Иркутске, Братске и Усть-Илимске, в СВК. Это позволило бы китайским потребителям использовать гидроэлектроэнергию вместо электроэнергии угольной генерации, негативно влияющих на экологию. В начале 2010-х гг. была сделана попытка реализовать проект "Энергетические мосты в регионе Северо-Восточной Азии", нацеленный на взаимодействие энергосистем России и СВК, Монголии и Республики Корея. En+ Group намеревалась привлечь китайские инвестиции для строительства Нижнеангарской и Транссибирской ГЭС, Ленской ТЭЦ **[36, p. 65]**. Проект не был реализован, причём не только по причине отсутствия современных линий электропередач между РФ и КНР, но и вследствие строительства в СВК газовых ТЭЦ, потребляющих российский газ. Планы частной корпорации En+ Group по поставкам электроэнергии из регионов Сибири не осуществились, в то время как госкорпорация "Газпром" смогла поставлять газ из сибирских месторождений в Китай.

В 2014 г. появилась идея создания в Восточной Сибири центров обработки данных (ЦОД). Проект в августе 2015 г. был поддержан губернатором и правительством Иркутской области. Компании En+ Group, "Хуавей" и "Центрин Дэйта Системс" были включены в создание инфраструктуры **[38]**. Соглашение было подписано в Пекине в присутствии Президента РФ В. В. Путина и Председателя КНР Си Цзиньпина. Бизнес-интересы En+ Group заключались в том, что компания планировала обеспечить проект электроэнергией с электростанций компании в Иркутской области (на электроэнергию приходится до 50% себестоимости ЦОД) и предоставить площадки для размещения ЦОД в городах, где расположены энергетические мощности компании: Иркутске, Братске и Усть-Илимске. Концерн "Хуавей" планировал поставки оборудования для дата-центра, в то время как "Центрин Дэйта Системс" должна была выступить в качестве первого китайского клиента.

В соглашении предполагалось, что к 2018 г. в регионе будет построен ЦОД, охватывающий страны, по которым проходит Экономический пояс Шёлкового пути, мощностью 1,8 тыс. стоек, с расширением к 2024 г. до 8 тыс. **[38]**. ЦОД должен был предоставлять высокотехнологичные IT-сервисы на рынках России и Азии, "облачные" услуги, высокопроизводительные вычисления и системы анализа "больших данных". Проект не был реализован, т. к. схема хранения данных китайских корпораций и пользователей на российской территории вступала в противоречие с национальными интересами КНР.

Осенью 2016 г. стала обсуждаться идея строительства туристического кластера на Байкале, привлечения китайских инвестиций в экономику Иркутской области. Так, российская туристическая компания "Гранд Байкал" и

китайская структура "Чжунцзиньсинь" 19 октября 2016 г. подписали меморандум о сотрудничестве **[15]**. Акционером компаний с российской стороны являлся "ГОСТ Отель Менеджмент", входивший в структуры En+ Group, а с китайской стороны – "Китайская международная инвестиционная и трастовая корпорация" (CITIC). Объём потенциальных инвестиций в развитие проекта оценивался в 11 млрд долл. США.

Намерение было привлекательным не только для региональных, но и для федеральных властей. Таким образом, En+ Group планировала изменить вектор ранее объявленной "Восточной стратегии", сместив акцент с поставок товаров (алюминия и электроэнергии) на сферу услуг – туристический сектор. Маневр был призван привлечь внимание федерального центра к участию в софинансировании туристического кластера, его встраиванию в инициативы российско-китайских межгосударственных отношений.

Дискуссии разгорелись в Иркутской области в январе–феврале 2019 г. из-за строительства завода по розливу питьевой бутилированной воды на оз. Байкал компанией ООО "АкваСиб" **[6]**. ООО "АкваСиб" принадлежало фирме "Озеро Байкал" из г. Дацин (КНР). Планируемые инвестиции составляли 1,5 млрд руб. Предполагалось, что объём выпуска продукции составит 158 тыс. м^3 питьевой воды в год, розлив питьевой воды Байкала был признан Минприроды РФ экологически чистым производством, завод должен был обеспечить местным жителям 148 новых рабочих мест **[6]**. В социальных сетях размещались петиции, шёл сбор подписей, шла активная информационная кампания с просьбами "спасти озеро". В марте 2019 г. в Иркутске прошёл митинг в защиту Байкала **[22]**. На ситуацию обратили внимание федеральные власти.

После высказываний премьер-министра Д. А. Медведева была инициирована прокурорская проверка; было выявлено, что стройка не соответствует стандартам **[21]**. По её итогам в 2019 г. строительство завода было приостановлено до устранения выявленных в ходе проверки нарушений, а проект закрыт.

Одним из факторов провала китайского инвестиционного проекта стала конкуренция между бизнес-субъектами. В феврале 2019 г. структуры En+ Group выразили заинтересованность в строительстве заводов по розливу байкальской воды для последующего экспорта в КНР **[30]**. Ситуация объясняется коммерческой прагматикой: в случае соответствия иностранных инвестиций интересам крупных российских холдингов они позиционируются в качестве необходимых для развития ресурсов, в случае же конкуренции иностранный инвестор выдавливается с рынка, несмотря на официальную риторику о "развитии сотрудничества".

***

Республика Бурятия, выстраивая взаимодействие с СВК, пытается действовать схожим образом, конструируя сотрудничество. Более ограниченные экономические возможности по сравнению с Иркутской областью власти республики пытаются компенсировать за счёт географической близости. Так, Республика Бурятия заинтересована в экспорте своей продукции в Китай, включая мясомолочную продукцию, кондитерские изделия, дикоросы, кормовые и масличные культуры. На зарубежных рынках популярны разработки бурятского бизнеса в сфере медицины и сельского хозяйства **[32]**. Бурятия – транспортно-логистический узел в планируемом к реализации коридоре "Китай – Монголия – Россия" **[32]** и международном проекте "Чайный путь". Города Улан-Удэ и Кяхта являются опорными пунктами в рамках автомобильных маршрутов, предусмотренных межправительственным соглашением о международных автомобильных перевозках и въездном туризме. В 2024 г. на VIII встрече глав туристических администраций России, Китая и Монголии в Улан-Удэ обсуждалась необходимость запуска туристического кольца **[32]**.

Гуманитарное сотрудничество включает в себя обмен студентами, научные и образовательные проекты, фестивали, художественные выставки, показы фильмов, проведение буддийских мероприятий. В рамках торгово-экономического, научно-технического и культурного сотрудничества Республика Бурятия с 2004 г. контактирует с Автономным районом Внутренняя Монголия КНР в сфере туризма **[5]**.

Осуществляется парадипломатия муниципалитетов на китайском направлении. Подписаны соглашения об установлении побратимских и дружеских связей г. Улан-Удэ с городами СВК: Маньчжурией (1993 г.), Чанчунем (2000 г.), Хух-Хото (2000 г.), Эрлянем (2011 г.), Хулунбуиром (2018 г.), Уланчабом (2018 г.) **[7]**. Соглашения носят рамочный характер, развивается сотрудничество в гуманитарной сфере, конкретные экономические проекты внедряются спорадически, стороны ведут дискуссии о начале их реализации.

В сотрудничестве с СВК Республика Бурятия сталкивается с проблемами, характерными для Иркутской области и в целом для регионов Востока России.

Субнациональное сотрудничество регионов Байкальской Сибири: между молотом и наковальней

В деле активизации международного сотрудничества регионов Байкальской Сибири значительную роль играет федеральный центр. Инвестиционная программа с международным участием, инициированная региональными акторами – будь то правительство региона или бизнес – должна пройти ряд согласований и получить одобрение региональных и федеральных министерств и ведомств, что повышает временные, административные и финансовые издержки.

Экономические связи регионов Байкальской Сибири с КНР осуществляются через представительства торговых компаний, дистрибьюторские и дилерские центры, расположенные в Москве, что усиливает зависимость регионального взаимодействия с азиатскими партнёрами от центра.

На международное взаимодействие, в том числе и с регионами КНР, влиял и фактор турбулентности региональных элит Иркутской области: частая смена губернаторов не способствовала формированию положительных ожиданий у зарубежного бизнеса.

Инфраструктурные ограничения наносят ущерб сотрудничеству. Регионам необходима комплексная модернизация и расширение железных и автомобильных дорог, аэропортов, что требует значительных финансовых вливаний. Есть проблемы связности с мировыми рынками, а также с западными и центральными регионами Сибири, обладающими ресурсом человеческого капитала, научно-производственной сферой и сырьевой базой.

Возникают сложности в сфере туризма. Значительное количество китайских туристов прибывает в регионы преимущественно из СВК **[23, с. 91]**. Хаотичная и нерегулируемая обстановка с организацией зимних туров для китайских туристов на оз. Байкал приводит к трагедиям: в феврале 2026 г. погибла группа китайских туристов, провалившись под лёд **[11]**.

Приток туристов в Иркутскую область формирует ряд проблем. Туристическая инфраструктура неразвита: от состояния транспорта и нехватки мест в гостиницах до дефицита китаеязычных гидов и дорожных заторов. Туристы из КНР практически не задерживаются в Иркутске, продолжающем оставаться транзитной точкой, финансовые потоки проходят мимо него **[23, с. 90]**.

Инициативы властей и бизнеса Байкальской Сибири по сотрудничеству с партнёрами из КНР пробуксовывают из-за проблем взаимного восприятия. Власти Иркутской области видят в инвестициях ресурс для развития, в то время как партнёры из КНР не спешат вкладывать средства в экономику региона не только в силу опасений потерять инвестиции, но и из-за недостатка информации о возможностях реализации инвестпроектов.

Следует согласиться с мнением С. А. Иванова, рассмотревшего взаимодействие провинции Хэйлунцзян с Приморским краем. Наблюдаются переоценка фактора трансграничности, зависимость от политической конъюнктуры и ошибочное понимание мотивации партнёра **[10, с. 421–422]**. Указанный вывод справедлив и при рассмотрении специфики сотрудничества между регионами Байкальской Сибири и СВК.

Для КНР северо-восточные провинции периферийны – это "старопромышленная база". С конца 1970-х гг. интенсивно развивались южные и юго-восточные районы Китая. Действительно, "контактное поле двух периферийных регионов сопредельных государств, РФ и КНР, обеспечиваемое ресурсом границ, не способствует комплексному сотрудничеству в инвестиционной сфере, развитию сектора услуг и торговле товарами с высокой добавленной

стоимостью" **[24, с. 493]**. Географическая близость приводит чиновников и бизнесменов из регионов Байкальской Сибири к попыткам реализовать проекты сотрудничества с контрагентами из СВК. Власти субъектов РФ следуют указаниям о сотрудничестве, продвигаемым из федерального центра; происходит создание положительных конструктов и имиджа субнациональных связей путем трансляции дискурса региональной бюрократией и институтами развития. Создание прочных контактов с экономически развитыми центральными, южными и восточными провинциями КНР более важно для регионов Байкальской Сибири. В противном случае их взаимодействие с партнерами из провинций СВК будет зажато между молотом интересов федерального центра и наковальней многолетних экономических, инфраструктурных, правовых и управленческих проблем, а также воздействием структурных тенденций фрагментации международной системы.

Заключение

Таким образом, на процесс осуществления взаимодействия регионов Байкальской Сибири с провинциями СВК влияли внутренняя специфика и системные сложности»; далее перестроить оборот «в силу несогласованности федеральной и региональной повестки. Масштабные проекты контролирует федеральный центр и госкорпорации. Претворению в жизнь инициатив региональных властей препятствовала нехватка ресурсов для первичного развития площадок, перспективных для инвесторов, отрицательно сказывалась и внутрирегиональная ситуация. Диспаритет в практической реализации "поворота на Восток" наблюдался в объёме преференций, предоставляемых центром субъектам федерации. Так, основные проекты развития были сосредоточены на территориях Дальнего Востока, а не в регионах Сибири **[13, с. 224–225]**.

Политические и экономические элиты региона на протяжении первых двух десятилетий XXI в., как это ни парадоксально, были слабо заинтересованы в интенсификации инвестиционного сотрудничества с крупными китайскими компаниями. Инициативы международного сотрудничества и внешние инвестиции использовались как ресурс для формирования образа "успешной власти" или же "успешного региона" в глазах правительства и получения возможного финансирования из центра. Политические верхи, действующие в условиях жесткой централизации, опасались роста влияния иностранных акторов в ресурсообеспеченных субъектах федерации, полагая, что зависимость от иностранных ресурсов и рабочей силы может иметь негативные геоэкономические последствия. Согласимся с выводом С. К. Песцова, что присутствует "…настойчивое стремление российского руководства к сохранению жесткого контроля над отдаленными территориями, в том числе посредством централизации и сосредоточения всех видов их взаимодействий с сопредельными странами на межгосударственном уровне" **[26, с. 20]**. Крупным холдингам (как федеральным, так и региональным), нефтегазовому, строительному, туристическому бизнесу было невыгодно появление динамичных зарубежных конкурентов на ресурсном рынке регионов Байкальской Сибири; действовали режимы протекционизма, охранительной логики, что можно анализировать при помощи концепта закрытого регионализма.

В начале 1990-х гг. федеральному центру не хватало реальных властных и финансовых рычагов. Иркутская область и Республика Бурятия могли относительно свободно развивать взаимодействие с зарубежными партнерами. Однако после централизации 2000-х гг. властные рычаги сконцентрировались в руках Москвы. Канал сотрудничества с внешними акторами был ограничен не только законодательным регулированием, но и тем, что крупные корпорации вытеснили средних и малых игроков в российских регионах. Переформатирование бизнес-пространства произошло после начала активной фазы пандемии коронавируса в 2020 г., блокировавшей полноценные контакты в социальной сфере. После нового витка украинского конфликта в 2022 г. власть и бизнес регионов Байкальской Сибири под влиянием экономической обстановки и политического фактора стали пытаться продвигать свои интересы в КНР, формируя взаимозависимость по неолиберальному типу. Позитивную деятельность нивелировали вторичные санкции западных государств. Произошла фрагментация формирующейся взаимозависимости, отход от трендов открытого регионализма.

Власти регионов Байкальской Сибири во многом имитируют развитие сотрудничества с провинциями СВК. Декларируемые федеральными властями и крупным бизнесом планы направлены на поддержку "больших проектов" наподобие "Силы Сибири", от которых выигрывают прежде всего госкорпорации и частные холдинги. Вырученные от поставок ресурсов средства идут в федеральный, а не региональный бюджет. Развитие несырьевого экспорта в регионы СВК не является панацеей.

Инициативы региональных властей Иркутской области и Республики Бурятия направлены на формирование позитивного имиджа в глазах возможных иностранных инвесторов и российских федеральных властей; они не согласованы между собой, у регионов недостаточно ресурсов для реализации взаимодействия с внешними акторами. Речь идет не о полноценном торгово-экономическом сотрудничестве, а о подготовке официальных совместных международных мероприятий, организации выставок и форумов.

Задачи корпоративного бизнеса на примере En+ Group заключаются в формировании проектов, направленных на создание связей с партнерами из КНР, но основная цель – их интенсивное лоббирование на уровне властных структур центра для получения приоритетного федерального финансирования. Привлечение иностранных инвестиций из стран Восточной Азии является элементом торга в деле борьбы за средства из федерального бюджета. Финансовые ресурсы центра выступают как возможность для корпораций переждать времена экономической турбулентности, вызванной ухудшением доступа к зарубежному финансированию из-за санкций.

Власти Иркутской области уже не могут, как в 1990-х гг., использовать ресурс интенсификации международного сотрудничества для улучшения финансового состояния региона для реализации совместных проектов с партнерами из КНР. Для освоения ресурсов и создания производств требуется стабильное софинансирование, необходимый уровень которого федеральные и региональные власти, а также корпорации в сложных экономических условиях не могут обеспечить. Влияет и "вертикаль власти". Формируется замкнутый круг: анклавы развития, которыми являются Иркутск и Улан-Удэ, не могут привлечь стабильные иностранные инвестиции в депрессивную, но ресурсную периферию.

Таким образом, инициативы региональных властей по активизации международного сотрудничества Байкальской Сибири порождают несогласованность, влияющую на восприятие региона со стороны зарубежных партнеров. Возможные инвестиции из КНР выступают как маркер эффективной работы указанных структур и индикатор, сигнализирующий о появлении первичных зон роста для получения средств из федерального центра. Не учитывается тот факт, что СВК представляет собой экономическую периферию, не способную выступать в качестве перспективного инвестора для Иркутской области и Республики Бурятия. Более важными партнерами в субнациональном сотрудничестве для сибирских регионов могут являться регионы юга и юго-востока КНР. На реальную капитализацию возможных инициатив развития интенсивно влияет международная ситуация, фрагментация мировой системы и отсутствие консенсуса элит по проблемам активизации международного взаимодействия.

Литература / References

1. Александрова М. В. Особенности сибирского экспорта в КНР: современное состояние и «узкие места». *Проблемы Дальнего Востока*. 2018. № 3. С. 53–64.
   Alexandrova M. V. Features of Siberian Exports to China: Current State and “Bottlenecks”. *Far Eastern Affairs*. 2018. No. 3. P. 53–64. (In Russ.)
2. Александрова М. В. Российско-китайское межрегиональное сотрудничество // Россия-Китай: шансы и вызовы отношений «новой эпохи». М.: ФГБУН ИДВ РАН, 2020. С. 200–233.
   Alexandrova M. V. Russian-Chinese Interregional Cooperation // Russia-China Relations: Chances and Challenges of the New Era. M.: IFES RAS Publ. 2020. P. 200–233. (In Russ.)
3. Александрова М. В. Экономическое взаимодействие регионов России и Китая в период реформ: Российско-китайские приграничные экономические отношения. М.: Огни, 2005. 262 с.
   Alexandrova M.V. Economic Cooperation between Russian and Chinese Regions during the Reform Period: Russian-Chinese Border Economic Relations. M.: OGNI Publishing, 2005. 262 p. (In Russ.)

4. Бабаев К. В., Лузянин С. Г. Поворот на Восток: восточноазиатский вектор России (2014–2024) / отв. ред. С.А. Караганов; Ин-т Китая и совр. Азии РАН. М.: РАН, 2024. 256 с.
Babaev K. V., Luzyanin S. G. Pivot to the East: Russia's East Asian Vector, 2014–2024. ed. by S. A. Karaganov. ICCA RAS. M.: RAS Publishing, 2024. 256 p. (In Russ.)
5. Бурятия и Внутренняя Монголия будут сотрудничать в области туризма // Байкал-Дейли. 18.02.2016. URL: https://clck.ru/3T63gp (дата обращения: 23.02.2026).
Buryatia and Inner Mongolia will Cooperate in the Field of Tourism // Baikal-Daily. 18.02.2016. URL: https://clck.ru/3T63gp (accessed 23.02.2026). (In Russ.)
6. Владелец завода по розливу воды в Култуке: «Борьба не окончена» // Irk.ru. 18.04.2019. URL: https://clck.ru/3T63iJ (дата обращения: 23.02.2026).
Owner of a Water Bottling Plant in Kultuk: "The Struggle is Not Over" // Irk.ru. 18.04.2019. URL: https://clck.ru/3T63iJ (accessed 23.02.2026). (In Russ.)
7. Города-побратимы // Улан-Удэ. Официальный сайт. URL: https://clck.ru/3T63m9 (дата обращения: 03.03.2026).
Sister Cities // Ulan-Ude. Official Website. URL: https://clck.ru/3T63m9 (accessed 03.03.2026). (In Russ.)
8. Зуенко И. Ю., Иванов С. А., Савченко А. Е. Китайские инвестиции на российском Дальнем Востоке. *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63, № 11. С. 105–113.
https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-11-105-113
Zuenko I. Yu., Ivanov S. A., Savchenko A. E. Chinese Investments in the Russian Far East. *World Economy and International Relations*. 2019. Vol. 63, No. 11. P. 105–113.
https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-11-105-113. (In Russ.)
9. Иванов С. А. Воображаемое сотрудничество на российско-китайской границе. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. 2014. Т. 8. С. 11–18.
Ivanov S.A. Challenges in Cooperation on Sino-Russian Border. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies*. 2014. Vol. 8. P. 11–18. (In Russ.)
10. Иванов С. А. Перспективы сотрудничества провинции Хэйлунцзян с Приморским краем. *Общество и государство в Китае*. 2018. Т. 48, № 1. С. 416–424.
Ivanov S. A. Prospects of Cooperation between Heilongjiang Province and Primorsky Krai. *Society and State in China*. 2018. Vol. 48, No. 1. P. 416–424. (In Russ.)
11. Ишбульдин А. «Решил перепрыгнуть разлом»: УАЗ с туристами из Китая провалился под лёд на Байкале. Газета.ру. 20.02.2026. URL: https://www.gazeta.ru/social/2026/02/20/22531309.shtml (дата обращения: 03.03.2026)
Ishbuldin A. "I Decided to Jump over the Rift": UAZ with Chinese Tourists Sank under the Ice on Lake Baikal. *Gazeta.ru.* 20.02.2026. URL: https://www.gazeta.ru/social/2026/02/20/22531309.shtml (accessed 03.03.2026). (In Russ.)
12. К Великому океану или новая глобализация России. Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» / С. А. Караганов, О. Н. Барабанов, Т. В. Бордачёв. М.: 2012. 80 с. https://clck.ru/3T64Dn (дата обращения: 15.02.2026)
Toward the Great Ocean or Russia's New Globalization. Analytical Report by the Valdai International Discussion Club // S. A. Karaganov, O. N. Barabanov, T. V. Bordachyov. M.: 2012. 80 p. URL: https://clck.ru/3T64Dn (accessed 15.02.2026). (In Russ.)
13. Караганов С. А., Козылов И. С. Восточный поворот 2.0, или «Сибиризация» России. *Россия в глобальной политике*. 2025. Т. 23, № 1 (131). С. 221–229.
https://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-1-221-229
Karaganov S. A., Kozylov I. S. Eastward Turn 2.0, or "Sibiriazation" of Russia. *Russia in Global Affairs*. 2025. Vol. 23, No.1 (131). P. 221–229. (In Russ.)
https://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-1-221-229
14. Костюнина Г. М. Регионализм в современной мировой экономике: эволюция и основные тенденции. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2020. Т. 20, № 2. С. 303–317. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-2-303-317
Kostyunina G. M. Regionalism in the Modern World Economy: Evolution and Main Trends. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2020. Vol. 20, No. 2. P. 303–317.
https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-2-303-317 (In Russ.)
15. Крюков Д., Новопашина Н., Папандина А. Кластер на Байкале: как Дерипаска и китайцы хотят заменить ЦБК туристами. *РБК*. 28.10.2016. URL: https://clck.ru/3T64Gk (дата обращения: 03.03.2026).
Kryukov D., Novopashina N., Papandina A. The Baikal Cluster: How Deripaska and the Chinese Want to Replace the Pulp and Paper Mill with Tourists // RBC. 28.10.2016. URL: https://clck.ru/3T64Gk (accessed 03.02.2026). (In Russ.)
16. Ларин В. Л. В тени проснувшегося дракона: российско-китайские отношения на рубеже XX–XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2006. 424 с.
Larin V. L. In the Shadow of the Dragon Awaken: The Russian-Chinese Relations on the Boundary of the 20th–21st Centuries.Vladivostok: Dalnauka Publishing, 2006. 424 p. (In Russ.)

17. Ларин В. Л. Стратегические приоритеты развития Тихоокеанской России. *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. № 6. С. 18–27.
Larin V. L. Strategic Priorities of Pacific Russia's Development. *World Economy and International Relations*. 2015. No. 6. P. 18–27. (In Russ.)
18. Ломоносов М. В. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию // Полное собрание сочинений. Т. 6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 гг. М.–Л.: Изд-во АН СССР. С. 417–498.
Lomonosov M. V. A Brief Description of Various Voyages in the Northern Seas and an Account of the Possible Passage of the Siberian Ocean to Eastern India // Complete Works. Vol. 6. Works on Russian History, Social and Economic Issues, and Geography. 1747–1765. Moscow–Leningrad: USSR Academy of Sciences. P. 417–498. (In Russ.)
19. Лузянин С. Г. Россия–Китай: формирование обновлённого мира. М.: Весь Мир, 2018. 327 с.
Luzyanin S. G. Russia–China: Building a New World. Moscow: Ves Mir Publishing. 2018. 327 p. (In Russ.)
20. Макеева С. Б. Региональное развитие провинции Ляонин и партнёрское сотрудничество с Россией (1990 е гг. – настоящее время). *Проблемы Дальнего Востока*. 2022. № 4. С. 75–88. https://doi.org/10.31857/S013128120020452-8
Makeeva S. B. Regional Development of Liaoning Province and Partnership with Russia (1990s to present). *Far Eastern Affairs*. 2022. No. 4. P. 75–88. https://doi.org/10.31857/S013128120020452-8 (In Russ.)
21. Медведев пообещал проверить проект завода по розливу воды на Байкале. *РБК*. 12.03.2019. URL: https://clck.ru/3T64cN (дата обращения: 03.03.2026).
Medvedev Promised to Check the Project for a Water Bottling Plant in Lake Baikal. *RBC*. 12.03.2019. URL: https://clck.ru/3T64cN (accessed 03.03.2026) (In Russ.)
22. Митинг в защиту Байкала собрал тысячу участников. *Интерфакс*. 24.03.2019. URL: https://www.interfax.ru/russia/655476 (дата обращения: 03.03.2026).
A Meeting in Defense of Lake Baikal Attracted a Thousand Participants. *Интерфакс*. 24.03.2019. URL: https://www.interfax.ru/russia/655476 (accessed 03.03.2026). (In Russ.)
23. Нечаева В. С. Диссонансы туристической интеграции Иркутской области и Китая // Сибирь в пространстве международных отношений: прошлое, настоящее, будущее, 2025: Мат-лы XXI Всерос. студ. науч.-практ. конф., Иркутск, 05 апр. 2025 г. Иркутск: БГУ, 2025. С. 85–94.
Nechaeva V. S. The Dissonances of Tourist Integration in Irkutsk Region and China // Siberia in the Space of International Relations: Past, Present, and Future, 2025: XXI All-Russian Students Scientific Conference Proceedings, Irkutsk, 05 of April 2025. Irkutsk: BSU Publ. 2025. P. 85–94. (In Russ.)
24. Олейников И. В. Иркутская область – Китай: постпандемийные тенденции взаимодействия // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. № 14. Благовещенск: БГПУ. 2024. С. 489–494.
Oleynikov I. V. Irkutsk Oblast–China: Post-Pandemic Trends of Interaction // Russia and China: History and Prospects of Cooperation. No. 14. Blagoveschensk: BGPU, 2024. P. 489–494. (In Russ.)
25. Олейников И. В., Курканова Е. О. Китайский туризм: взгляд из Иркутска. *Российско-китайские исследования*. 2021. Т. 5, № 2. С. 124–130. https://doi.org/10.17150/2587-7445.2021.5(2)
Oleynikov I. V., Kurkanova E. O. Chinese Tourism: A View from Irkutsk. *Russian-Chinese Studies*. 2021. Vol. 5. No. 2. P. 124–130. https://doi.org/10.17150/2587-7445.2021.5(2) (In Russ.)
26. Песцов С. К. Трансграничное сотрудничество России и Китая: хаотичный расцвет и упорядоченная деградация. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2021. Т. 14, № 1. С. 20–40. https://doi.org/10.21638/spbu06.2021.102
Pestsov S. K. Cross-Border Cooperation of Russia and China: Chaotic Prosperity and Ordered Degradation. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*. 2021. Vol. 14, No. 1. P. 20–40. https://doi.org/10.21638/spbu06.2021.102. (In Russ.)
27. Поворот на Восток. Развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России / И. А. Макаров, Е. А. Макарова, Т. В. Бордачев [и др.]. М.: Международные отношения, 2015. 448 с.
A Turn to the East. Development of Siberia and the Far East in the Context of the Strengthening of Russia's Asian Foreign Policy. I. A. Makarov, E. A. Makarova, T. V. Bordachev [et al.]. M.: International Relations Publishing House, 2015. 448 p. (In Russ.)
28. Потенциальный Дальний Восток. Как расцветают и угасают проекты развития в самом большом регионе России / А.Е. Савченко, Т. Н. Журавская, С. А. Иванов [и др.]. М.: Common Place, Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники», 2024. 320 с.
The Potential Far East. How Development Projects Flourish and Fade in Russia's Largest Region / A. E. Savchenko, T. N. Zhuravskaya, S. A. Ivanov [et al.]. M.: Common Place, Khamovniki Foundation for Social Research, 2024. 320 p. (In Russ.)
29. Программа сотрудничества восточных регионов России и Северо-Восточного Китая 2009–2018: итоги и дальнейшие перспективы / И. Ю. Зуенко, С. А. Иванов, Ч. Лун [и др.]. *У карты Тихого океана*. 2018. № S3 (251). С. 3–26.

The Programme of Cooperation between Russian Far East and Eastern Siberia and Chinese North-Eastern Regions (2009–2018): Findings and Future Outcomes/ I. Yu. Zuenko, S. A. Ivanov, Lun Ch. [et al.]. *Near Pacific Ocean Map*. 2018. No. S3 (251). P. 3–26. (In Russ.)

30. Титов С. Вода от Дерипаски. Структуры миллиардера запускают новый бинес на Байкале // *Forbes*. 01.03.2019. URL: https://clck.ru/3T64Tc (дата обращения: 03.03.2026).
Titov S. Deripaska's Water. Billionaire's Structures Launch New Business on Lake Baikal // *Forbes*. 01.03.2019. URL: https://clck.ru/3T64Tc (accessed 03.03.2026). (In Russ.)
31. Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия / под ред. В.Л. Ларина. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. 386 с.
Integrating Pacific Russia into the North Pacific Region: Experience and Potential of Regional and Cross-Border Cooperation in the Beginning of 21st century. ed. by V. L. Larin. Vladivostok: IHAE FEBRAS, 2017. 386 p.
32. Филатов С. Республика Бурятия укрепляет международные связи // *Международная жизнь*. Официальный сайт. 06.12.2024. URL: https://clck.ru/3T64jK (дата обращения: 03.03.2025).
Filatov S. The Republic of Buryatia Strengthens International Relations // *International Life*. Official website. 06.12.2024. URL: https://clck.ru/3T64jK (accessed 03.03.2026). (In Russ.)
33. Шерин Е. А. Внешнеторговое сотрудничество Китая и сибирских регионов. *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Т. 68, № 5. С. 81–90.
https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-5-81-90.
Sherin E. A. Foreign Trade Cooperation between China and Siberian Regions. *World Economy and International Relations.* 2024. Vol. 68, No. 5. P. 81–90.
https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-5-81-90. (In Russ.)
34. Шмидт С. Ф. Сибирь в перспективе мир-системного анализа // Восточносибирский регионализм: социокультурный, экономический, политический и международный аспекты, Иркутск, 10–12 апр. 2000 г. Иркутск: Оттиск, 2001. С. 10–15.
Schmidt S. F. Siberia in the Perspective of World-System Analysis // East Siberian Regionalism: Sociocultural, Economic, Political, and International Aspects, Irkutsk, April 10–12, 2000. Irkutsk: Ottisk, 2001. P. 10–15. (In Russ.)
35. Diao X. Economic Cooperation of the Northeast China and the Far East of Russia under New Conditions: Status, Capacity, and Supply. *Journal of Regional and International Competitiveness*. 2021. No. 4 (5). P. 44–49. https://doi.org/10.52957/27821927_2021_4_44.
36. Korolev A. Russia's Reorientation to Asia: Causes and Strategic Implications. *Pacific Affairs*. 2016. Vol. 89, No. 1. P. 53–73. https://doi.org/10.5509/201689153.
37. Pan X. Economic Relations between Japan and the Russian Far East // International Cooperation in the Development of Russia's Far East and Siberia / ed. by Jing H., Korolev A. Croydon: Palgrave Macmillan, 2015. P. 99–122.
38. Smolax M. Russian Billionaire to Build a Massive Data Center in Siberia // DCD. 07.09.2015. https://clck.ru/3T64M9 (accessed 23.02.2026).
39. Wallerstein I. The Capitalist World Economy. Paris: Cambridge University Press & Editions de la Maison des Sciences de l'Homme. 1979. 320 p.

◆

Информация об авторе

Илья Васильевич Олейников, канд. ист. наук, доцент кафедры политологии, истории и регионоведения Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: ilyavasilich@yandex.ru

Information about the author

Ilya V. Oleynikov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, History, and Regional Studies, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, e-mail: ilyavasilich@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.04.2026 Одобрена после рецензирования 09.08.2026 Принята к публикации 25.08.2026

Received 07.04.2026 Approved 09.08.2026 Accepted 25.08.2026